

МГПУ ИМ. И.П.ШАМЯКИНА

Герцик А. В. (Мозырь, Беларусь)

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ ЛИРИКИ
М. ЦВЕТАЕВОЙ И Е. ЯНИЩИЦ: СТИХИ О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА**

М. Цветаева – поэт, отразивший в своих произведениях самые различные пласты мировой культуры: стихию русского фольклора, традиции романтической поэзии – русской, немецкой, французской, традиции классицизма, античной поэзии, стилистику высокого слога и стихию просторечия. Традиционность стилистики, поэтической образности и символики естественным образом продолжается у М. Цветаевой в смелом, нередко рискованном эксперименте, никогда, однако, не бывшем для нее самоцелью. Глубокое постижение культурных универсалий приводит к их своеобразному преобразованию, переосмыслению, подчиненному философской концепции автора.

Творчество М. Цветаевой, не принадлежавшей ни к какому литературному направлению, включает в себя признаки поэтического языка, характерные для символистов, акмеистов, имажинистов, футуристов, а также черты, присущие более поздним литературным направлениям и стилям.

“Полесская ласточка”, “Полесья милое дитя” – так называли в белорусской литературе Е. Янищиц, которой, к большому сожалению, было суждено прожить всего сорок лет. Ее земной путь трагически оборвался 25 ноября 1988 года. И точно так же оборвалась земная жизнь М. Цветаевой 31 августа 1941 года в сених простой деревенской избы, где она жила со своим сыном.

Поэтессы попали в такие обстоятельства, которых не могли изменить. Обе пробовали осмыслить их, как-то приспособиться, даже придать своим страданиям художественное содержание.

Однако примирения с ситуацией не произошло. Наоборот, наступило полное ее неприятие. Обе поэтессы – и русская, и белорусская – боролись с собой. И эта борьба особенно заметна в последних стихах М. Цветаевой и Е. Янищиц. Их лирические героини мужественно идут своим нелегким путем. Но с каждым шагом им все труднее справляться с одиночеством. Обе поэтессы стремились реализовать свой уникальный дар, сконцентрировать внимание на самоутверждении через творчество.

Обе в период душевного кризиса обращались к духовному наследию русского и белорусского народов, которое проявилось для М. Цветаевой и Е. Янищиц прежде всего в таком органично-родственном для них искусстве – поэзии.

Духовный кризис художника в соединении с духовным кризисом общества приводит к поискам выхода в чем-то необычном, нетрадиционном, нетипичном для рядового обывателя. И в этом контексте становится закономерным пророчество Булгакова, когда затравленный критикой Мастер и его возлюбленная Маргарита одновременно покончили с собой; сдался, не выдержав железного хода истории, поэт Юрий Живаго; ушли из жизни Марина Цветаева и Стефан Цвейг, а позднее к ним присоединилась и Евгения Янищиц...

Но после гибели происходит парадоксальное: читатель приобщается к трагедийному пафосу поэзии М. Цветаевой и Е. Янищиц, начинается очищение через сопереживание, духовное возвышение человеческой личности через прикосновение к высокой поэзии, постижение человеческой экзистенции и осознание человеческой жизни как величайшей ценности.

Обеих поэтесс – и русскую, и белорусскую – роднит внутренний трагизм художественного творчества, неустроенность личной жизни, душевное одиночество, нежелание “быть как все”, а самое главное – большой природный поэтический талант, так и не понятый при жизни их современниками; а также обостренное чувство поэтического избранничества, которое нашло отражение в стихах той и другой. И недаром Е. Янищиц посвятила русской поэтессе одно из самых проникновенных своих стихотворений, которое так и назвала – “Марына Цвятаева”:

Астаўлена. На час каторы?
Навошта? Мучыцца пасля?
Ўзвілася птушкай непакорнай
З-пад ног радзімая зямля.

Лістоў каляныя абрыўкі,
Мяжы мільгнула паласа,
І у акне вагонным грыўка –
Як жменя спелага аўса [2, с. 133–134].

Вот почему мы сочли возможным в нашей статье проследить типологические схождения в их поэзии, которые наиболее явственны в стихах о роли и назначении поэта.

М. Цветаева принимала жизнь такой, какой она есть, то есть понимала ее трагедийную основу, ее неподвластную слабым человеческим усилиям космичность. Представление о внезапности и быстроте смены настроений, мотивов и чувств сохраняется на протяжении всего творчества поэтессы. Оно реализовано в стихотворении “Моим стихам, написанным так рано...”, которое представляет собой одно большое распространенное предложение, заканчивающееся так:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед [1, с. 9].

Первая строфа стихотворения начинается очень динамично: поэтесса уподобляет свои стихи «брызгам из фонтана» и «искрам из ракет», «маленьким чертям», которые врываются в святилище поэзии, где все спокойно и сонно, где дремлет в дыму курений величавая классика. Динамизм лирического сюжета подчеркивается резкими противопоставлениями: юность и смерть, святилище и черти. В третьей строфе стремительность сюжета снижается, лирическое описание замедляется, поскольку речь уже идет о медленно текущем времени, о поэтических сборниках, лежащих «в пыли по магазинам» и ждущих своего часа. Молодость и искромётный задор, напоминающие буйство молодого вина, закономерно сменяются долгой выдержкой, которая сделает стихи поэтессы похожими на “драгоценные вина”.

Поэтическое слово, подобно драгоценным винам, будет вызревать десятилетия и века; рождение его столь же внезапно, как и встреча с прохожим (стихотворение “Идешь, на меня похожий”). Желание остановить мгновение, сохранить его навеки, запечатлеть его текучесть, свойственно М. Цветаевой в высшей степени.

Стихотворение “Литературным прокурорам” пронизано отрицанием смерти, стремлением преодолеть забвение, оставить свой след в памяти людей:

Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу! [1, с. 75].

Вторая строфа углубляет эту мысль; обратим внимание учеников на то, что лирическая героиня думает о смерти «каждый миг, содрогаясь от боли». Мы становимся свидетелями того, как она преодолевает страх небытия, видя избавление от него в творчестве и отдавая свои стихи на суд читателям:

Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою [1, с. 75].

Подобно М. Цветаевой, Е. Янищиц также постоянно размышляла о своей литературной судьбе, стихотворение “Рамяство” посвящено нелегкому поэтическому творчеству; оно тяжким грузом ложится на душу, героиня страдает от бессонницы, но пока на “паперы белой поле” падают строчки, она чувствует себя живой, исполняющей свое земное призвание.

Художественные стремления поэтессы даже в молодые годы не были бесформенными. Ею руководила жажда постоянно осознавать и испытывать достигаемое в творчестве свое единство с вечным обновлением мира. Постоянная яркая черта поэзии Цветаевой – создание первичной стихийности слова. Поэт в ее понимании – человек, распоряжающийся этой стихией и приводящий в действие их возможности, которые прежде не проявляли себя:

Поэт – издали заводит речь,
Поэта – далеко заводит речь [1, с. 173].

И от читателя стихов М. Цветаева ждет и требует умения распоряжаться стихией слова. Для нее чтение – это разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставленного за строчкой, за пределами стиха. Чтение – это прежде всего сотворчество.

Что касается осмысления собственной поэтической судьбы белорусской поэтессой, то с годами Е. Янищиц все более отчетливо осознавала свою внутреннюю драму; очень грустный мотив звучит в стихотворении “Поэтесса”, в сознании лирической героини проходят картины далекой юности, когда она мечтала о литературной славе и не подозревала, что творчество – это каторжный труд, от которого никогда невозможно избавиться. Вот почему лирическая героиня – человек уже зрелый – хочет, чтобы предрешенная тяжкая судьба – быть поэтом – обошла наивную девчонку:

...Дзяўчынцы хочацца ў паэты,
Што ў катаржнікі, – дзе ж ёй знаць?! [2, с. 84].

Белорусская поэтесса не только жалуется в своих стихах на несчастливую женскую судьбу, но и подтверждает истину, которая известна со времен Данте: страдания и сердечные переживания – вот та почва, на которой возрастает настоящая поэзия; для Е. Янищиц сердечная боль – необходимая часть ее жизни:

Мне трэба боль. Мне трэба чытацкі шчыры
Пагляд, з якога праўду я ляплю,
Яшчэ пшчотней адгукнецца ліра
На колкае чыёсці “не люблю” [2, с. 94].

Точно так же Цветаева прекрасно чувствует и представляет сложность и даже драматичность художественно-творческой задачи. Поэтесса хочет преподнести читателю-собеседнику внезапную, незавершенную речь. Поэзия, между тем, не терпит случайных, необязательных слов, допускающих замену; где нарушен запрет на такие слова, там стихи становятся пусты и бессодержательны.

Сложность решения этой задачи преодолена в стихах М. Цветаевой. Каждое слово, вроде бы случайно явившееся, включается в столь плотную и богатую сеть смыслообразующих связей, что извлечь его из ткани стихотворения уже нельзя. Эти связи возникают сразу и из сходства звучаний, и из сближения значений.

Зато белорусская поэтесса в своей лирике была удивительно женственна, подвержена смене чувств и настроений. В стихотворении “Ружовы цвет і хараство садоў” Е. Янищиц подчеркивает женственное начало, или, как теперь модно говорить, гендерный ее аспект:

Чытай сябе і вывучай, паэт,
Маліся на магілы і бярозы.
Калі ж нарэшце вылюднее свет
І скончацца ваенныя пагрозы?

Калі ж дашчэнтэ згіне яд і тля
І станецца любоў невыпадковай?
Бо, як жанчына, цягнецца зямля
Да абаронна ласкі мужыковай [2, с. 59].

В стихотворении «Сухі і маланкай апалены ствол...» поэтесса настойчиво подчеркивает, что без женственности ее лирика не существует; Е. Янищиц находит очень оригинальное, «женское» решение лирического конфликта – противостояние мужской и женской поэзии соединяется с ожиданием счастья и любви, поскольку мужская лирика воспевает нежность и красоту женщины:

Віной мне – разлука, і жарты – віной,
Віною – журба пад вачыма.
Мужчынская лірыка... А ці не ў ёй,

Як чайка, крыляе жанчына? [2, с. 59].

Т. С. Нуждина также подчеркивает женственность лирического наследия Е. Янищиц: “Жаночая інтуіцыя, мацярынская трывога і відушчая душа паэта абумовілі маштабнасць паэтычнага мыслення і асаблівасці яго вобразнага выяўлення” [3, с. 290].

Е. Янищиц, как и М. Цветаевой, довелось испытать до дна горькую чашу страдания, о которой сказано в Евангелии от Марка. Поэтесса словно предвидит собственную драматическую судьбу в стихотворении “Чаша”:

Ад бяды суровай – да бястрашша, –
Толькі вочы ў неба падымі!
...Ды стаіць пераде мною чаша
З кроўю і салёнымі слязьмі [2, с. 60].

Она допускает дерзновенную параллель между собственной судьбой и судьбой Сына Божьего. Но в стихотворении также имеются две другие параллели более земного характера. Сначала Е. Янищиц переосмысливает на материале собственного творческого пути широко известные строки В. Маяковского:

Наступіць на горла ўласнай песні?
А за што, прабачце, і чаму! [2, с. 60].

Эта неожиданная, как всегда у Маяковского, точная и сильная метафора, вошедшая в разговорный язык и ставшая формулой, выражает гибельный, смертельный для поэта смысл сознательного, добровольного отказа от внутренней свободы. В этой метафоре Маяковского – трагическое осознание тех противоречий, которые приведут его к гибели.

А заключительные строки стихотворения содержат реминисценцию известных строк “Гамлета” Б. Пастернака:

Як дрыжыць сляза ў вачах сірочых,
Як гудзе агонь на небаці,
“...Калі толькі можаш, аве Ойча,
Чашу гэту міма пранясі”! [2, с. 60].

Таким образом, Е. Янищиц ставит собственную поэтическую судьбу в высокий философский ряд, сравнивает ее с судьбой Б. Пастернака и В. Маяковского. Последнее позволяет предположить, что каким-то образом белорусская поэтесса предвидела собственную трагическую смерть...

Стихотворение “Над смутным днем, раптоўнай катастрофай...” начинается как поэтическое откровение; поэтесса проводит в нем параллель между жатвой хлебов и созданием стиха, она умышленно приближает свое творчество к родной земле, ее красоте, которая становится неисчерпаемым источником поэзии:

Ды ведаю, што позняю парою,
Калі трывожыць сэрца зарапад,
Пушчанкай непрыручанай, лясною,
Я пражыву між радасцяў і страт.
І, можа быць, зусім невыпадкова
Паўстану я ў святле нязменных мар
Дзяўчынкай той, якой вядома слова
І невядомы ўвесь яго цяжар [2, с. 62].

Последние строки повторяют одно из общих мест мировой поэзии: художник слова несет на себе действительную тяжесть ответственности, он не похож на остальных людей, на нем – печать исключительности.

Единство поэтического настроения, соотнесенность душевного состояния поэтессы и состояния природы реализована в маленьком лирическом этюде «Вячэрнія радкі». В этой небольшой зарисовке изображено рождение стиха: поэтесса ищет слова,

затем придает им эмоциональную окраску, они “распускаюцца, як мак”, а далее перед читателем разворачивается чудо создания художественного образа, который отражается в поэтических строчках как будто “старажытны знак”:

Сама ў сабе як след яшчэ не веру.
Ды словы распускаюцца, як мак.
І падае на белую паперу
Наспеўшай думкі старажытны знак [2, с. 63].

Е. Янищиц чувствует глубокое удовлетворение от своего нелегкого труда; в стихотворении “Прыгаршчы святла” она говорит о том, что именно поэзия дает ей самую прочную опору, которая помогает пережить несообразности жизни, непостоянство подруг, людское осуждение, все то, что обжигает ей сердце. Поэтесса сближает художественное творчество и состояние собственной души; в литературе бытует выражение “искра Божья”, однако Е. Янищиц находит свой собственный неповторимый образ – “прыгаршчы святла”:

... – Паэзія, – яна не знае тлену,
Калі ў душы хоць прыгаршчы святла [2, с. 75].

Таким образом, М. Цветаева и Е. Янищиц создали богатую лирику о назначении поэта, свидетельствующую о масштабах собственного поэтического дарования. Творческая манера двух поэтесс отличается определенным сходством: соединением эмоционального и изобразительного начал, тщательной разработкой структуры художественных образов, выражением авторского отношения к изображаемому, вниманием к отбору художественных деталей.

Літаратура

1. Цветаева, М. Избранные произведения / М. Цветаева. – Минск: Маст. літ., 1984. – 671 с.
2. Янішчыц, Я. Выбранае / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 2000. – 356 с.
3. Нуждзіна, Т.С. Крынічнае слова / Т.С.Нуждзіна // Полымя. – 2001. – № 1. – С. 288–296.